

Спустя два дня Шэнь Цинчжоу простился с наставниками и вместе с двумя соучениками покинул долину, держа путь на юг, в Цзяннань. Его спутники провели в школе немало времени, но выдающимися талантами не отличались и в одиночку едва ли могли справиться с серьёзным делом.

В дороге быстро выяснилось, что хотя Цинчжоу и был самым младшим, по уровню боевых искусств и житейскому опыту он намного превосходил спутников. Незаметно для себя они стали во всём полагаться на него. Стоило завести разговор о делах, как старшие братья лишь согласно кивали, не способные предложить ни одной дельной мысли. Цинчжоу чувствовал себя так, словно его связали по рукам и ногам, но поделать с этим ничего не мог.

Впрочем, поразмыслив, он понял, что и сам, должно быть, вёл себя точно так же со своим Первым старшим братом, Сун Сяо. Пока Цинчжоу наслаждался беззаботной свободой, старшему брату приходилось расхлёбывать все трудности.

При воспоминании о неизменно мягкой, подобной тёплому весеннему ветру улыбке Сун Сяо сердце Цинчжоу болезненно сжалось.

Путники спешили круглые сутки и меньше чем за десять дней добрались до Цзяннаня, где располагалось эскортное агентство «Небесный тигр». В былые времена этот край служил прибежищем для двора павшей династии, потерявшей власть над Срединной равниной. И хотя теперь императорский престол перенесли на север, лишив здешние места прежнего столичного блеска, Цзяннань благодаря щедрым урожаям и изобилию оставался главным перекрёстком для купцов со всей Поднебесной. Жизнь здесь кипела днём и ночью: сияли огни веселых кварталов, нескончаемым потоком тянулись повозки, а улицы гудели от праздной толпы. Всё это разительно отличалось от скрытой в горных лесах долины Сяояо, где уединение и покой возводились в абсолют, а ученики воспитывались в духе созерцательного недеяния.

Разумеется, заведений для плотских утех здесь хватало, однако Шэнь Цинчжоу покинул горы вовсе не ради них. Все его мысли занимал поиск Дворца Лазурного нефрита — лишь там он надеялся отыскать зацепки, ведущие к пропавшему старшему брату. Слава «Беззаботного искателя удовольствий» служила ему лишь удобной ширмой. Но если сам юноша сгорал от нетерпения, то в «Небесном тигре» спешить не собирались. Глава эскорта Фань лично устроил пышный приём для прибывших мастеров различных школ, после чего благополучно скрылся из виду. Все дела перешли в руки его названного брата и помощника — Лэй Чжэньбэя.

Этот Лэй Чжэньбэй о сопровождении груза даже не заикался. Вместо этого он каждую ночь уводил именитых гостей в злачные кварталы, где без усталости придумывал всё новые и новые развлечения.

Цинчжоу сразу почуял неладное, но как ни пытался разузнать истинные намерения хозяев, всё было тщетно. Лэй Чжэньбэй лишь твердил, что наниматель ещё не доставил ценный груз и нужно набраться терпения. Когда же юноша прямо спросил о сути разлада между агентством и Дворцом Лазурного нефрита, замглавы эскорта отделался туманными намёками, списав всё на банальные любовные интриги. Расспрашивать дальше о столь деликатных вещах было неуместно. Затаив подозрения, Цинчжоу предпочёл подыграть хозяевам и прикинулся пред

ними пресыщенным гулякой, жаждущим лишь женского тепла и вина.

Его спутники из долины Сяояо поначалу смущались, но, получив горячие заверения Цинчжоу в том, что всё останется в тайне, тоже пустились во все тяжкие. Вот только у них не было его выдержки — умения скользить сквозь соблазны, не пачкаясь. Ослеплённые блеском порочной жизни, они с головой увязли в пучине сладострастия. Просыпались соученики ближе к полудню, и все их разговоры сводились к воспоминаниям о ночных утехах, объятиях прелестниц и безудержном веселье.

Так незаметно в праздных шатаниях пролетело десять дней. Никакого продвижения в делах не было, а между тем приближался тот самый день, о котором Цинчжоу не мог думать без душевного трепета. Тревога селилась в его сердце всё глубже.

Наконец он решил действовать самостоятельно. Тайком улизнув от соучеников, Цинчжоу отправился на поиски хоть каких-то следов в городе.

Однако вскоре выяснилось, что за каждым его шагом следят. Стоило ему остаться одному, как за ним увязывались ищейки из «Небесного тигра». Делали они это скрытно, но весьма настойчиво.

Цинчжоу ради интереса сделал несколько кругов по улицам и с удивлением заметил, что шпионы сменяли друг друга примерно раз в два часа. Подобная бдительность превосходила все разумные рамки.

Чем сильнее его караулили, тем крепче Цинчжоу убеждался в правоте наставника: дело с охраной каравана явно пахло керосином. Когда глава эскорта Фань тайно совещался с его учителем и главой школы, он лишь вскользь упомянул, что груз как-то связан с императорским двором, умолчав о деталях и степени опасности.

В отличие от большинства вольных бродяг цзянху, Цинчжоу происходил из знатного рода, имевшего связи при дворе, и кое-что смыслил в дворцовых интригах. Но сколько бы он ни ломал голову, сопоставить разрозненные слухи и найти разгадку ему не удавалось.

Настал памятный день. Лэй Чжэньбэй, как обычно, закатил пир в Башне Красного и Зелёного. Цинчжоу, сославшись на хмель, ушёл в самый разгар веселья и у конюшен случайно натолкнулся на Лочэня — уродливого слугу.

Покинув заведение, юноша внимательно осмотрелся. Убедившись, что ищейки из эскорта потеряли его след, он с облегчением перевёл дух. Однако мысли его невольно вернулись к уродливому слуге, с которым он общался прошлой ночью и сегодняшним утром.

Когда они прощались, Лочэнь изо всех сил старался скрыть печаль, но его взгляд выдавал невыносимую тоску, что теперь, затерявшись в гомонящей толпе, Цинчжоу внезапно ощутил щемящее одиночество.

"Интересно, удастся ли ему когда-нибудь выкупить себя из этого вертепа?"

Цинчжоу поймал себя на этой мысли и невольно усмехнулся. Виделись всего ничего, а он уже строит воздушные замки. С каких это пор он стал столь сентиментальным?

К тому же, даже если забрать Лочэня оттуда, куда его девать?

Лочэнь не владеет боевыми искусствами, таскать его с собой по цзянху — чистое безумие. Не покупать же ему, в самом деле, отдельное поместье, чтобы устроить своему уродцу «золотую клетку»?

Мысль была откровенно нелепой, но Цинчжоу всё равно всерьёз поразмыслил над ней, прежде чем окончательно выбросить её из головы.

Медленно шагая по улице, он заметил на противоположной стороне чайную. В горле пересохло, а до полудня времени оставалось с запасом, так что Цинчжоу решил зайти и выпить пиалу-другую доброго чая.

Чайная оказалась двухэтажной. На первом этаже подавали простой дешёвый чай в больших пиалах — обычное пристанище для уличных торговцев и грузчиков. Посетителей в этот ранний час почти не было, лишь у стола в углу шумели несколько бедно одетых мальчишек.

На втором этаже цены кусались, зато там предлагали изысканные сорта и местные сладости. Цинчжоу направился к лестнице, предвкушая отдых, но у самого подъёма за спиной раздался громкий крик. Двое мальчишек вскочили с мест и принялись яростно спорить, колотя ладонями по столу.

Подобные уличные разборки мало интересовали Цинчжоу, но он всё же скользнул по дерущимся ленивым взглядом. Зачинщики уже выскочили из-за стола. Один, засучив рукава, свирепо наступал, а второй, хлипкий и щуплый, поняв, что пахнет жареным, бросился наутёк — прямо в сторону Цинчжоу.

Беглец оказался на удивление проворным. В мгновение ока он поравнялся с Цинчжоу и пронёсся мимо него, точно резвый порыв ветра.

Преследователь с криками устремился следом, и через секунду оба скрылись за поворотом. Цинчжоу на миг замер, затем он холодно усмехнулся. Слегка качнувшись, он бесшумной тенью скользнул за ними, держась на безопасном расстоянии.

Мальчишки бежали ровно, без усталости. Минут через пятнадцать они вырвались из лабиринта улиц к самому берегу озера и только тогда сбавили шаг. Догнав приятеля, преследователь схватил его за плечо. Оба согнулись от смеха.

— Ну всё, здесь хватит! — тяжело дыша, выдавил щуплый.

Не успели они перевести дух, как воздух над их головами всколыхнулся. Налетела стремительная тень. Прежде чем воришки успели сообразить, что к чему, оба разом вскрикнули от боли, хватаясь за макушки. В глазах у них помутилось, и прямо перед ними, точно с неба свалившись, вырос давешний молодой господин из чайной.

Шэнь Цинчжоу церемониться не стал. Раскинув руки, он цепко ухватил обоих за шиворот и притянул к себе. Он мягко улыбался, но голос звучал вкрадчиво и опасно:

— Мелкие жулики, решили со мной в кошки-мышки поиграть? Смело, ничего не скажешь. А теперь выкладывайте: где мой кошель?

— Ко... кошелёк? Какой кошелёк? Благородный господин, о чём вы говорите? — затараторил щуплый, натянув на лицо самую невинную улыбку.

— Ври больше. Сразу видно — тёртые калачи. Пощады не ждите, — усмехнулся Цинчжоу.

Не тратя времени на препирательства, он точечными ударами пальцев перекрыл их каналы ци. Мальчишки замерли на месте, превратившись в безжизненные изваяния. Цинчжоу принялся бесцеремонно их обыскивать. В широких рукавах щуплого он быстро нашёл собственный кошелёк, а вместе с ним — ещё штук пять чужих кошелёв самого разного пошива. Заглянув внутрь, он обнаружил где пару медных монет, а где и внушительную горсть серебряной мелочи. По весу добыча оказалась приличной. Цинчжоу покачал головой: бегать с таким грузом и не сбивать дыхание — тут явно требовались основы хорошей техники лёгкости ног.

Ввязываться в лишние неприятности Цинчжоу не желал. Он тщательно обыскал второго мальчишку, но ничего подозрительного не нашёл. Решив оставить воришек стоять здесь, пока действие техники не ослабнет само собой, он уже собрался уходить, как вдруг заметил, что преследователь залился пунцовой краской, а его глаза едва не вылезли из орбит от напряжения там, где его пальцы коснулись боков подростка.

Цинчжоу прищурился:

— Ого, да ты, никак, боишься щекотки?

Мальчишка мгновенно осунулся и побледнел. Цинчжоу весело расхохотался:

— А я-то думал, как вас наказать. Отпустить просто так — слишком дёшево отделаетесь. Хе-хе!

От этого зловещего смеха у щуплого побежали мурашки по спине. Он задрожал всем телом и принялся жалобно лепетать просьбы о пощаде. Однако Цинчжоу, хитро прищурившись, медленно пошевелил пальцами и потянулся к его рёбрам.

— Ха-ха-ха-ха!.. Пощадите, господин!.. А-ха-ха-ха!.. Мы больше не... — зашёлся в истерическом хохоте щуплый.

— Господин, прекратите! — в отчаянии завопил второй мальчишка, изо всех сил стараясь сдвинуться с места, но оставаясь недвижимым, словно вкопанный столб. — Мы не хотели красть у вас! Нас заставили! Нам приказали это сделать, честное слово, мы не врём! Пожалуйста, остановитесь, у-у-у...

Видя, что этот жестокий молодой господин не собирается останавливаться, а его приятель уже задыхается от дикого хохота, парень окончательно потерял самообладание и разразился горючими слезами.

На берегу поднялся невообразимый шум: один безудержно хохотал, другой навзрыд рыдал. Прохожих у озера в этот час было немного, но те, кто шёл мимо, удивлённо оборачивались, а парочка досужих зевак и вовсе остановилась поглазеть на странное зрелище. Цинчжоу убрал руки и с улыбкой спросил плачущего навзрыд парня:

— И кто же вам приказал?

— Я, — раздался спокойный, с лёгкой усмешкой голос прямо над самым ухом Цинчжоу.

Юноша вздрогнул от неожиданности и резко вскинул голову. Голос доносился со стороны озера. Примерно в тридцати шагах от берега покачивалась на волнах роскошная трёхпалубная ладья из лакированного дерева, украшенная резьбой в виде двух драконьих голов.

Верхняя палуба судна, хоть и была покрыта изящной золочёной крышей, оставалась открытой со всех сторон. Там стоял широкий квадратный стол, за которым, спиной к берегу, сидел человек, неторопливо наливая себе вино из кувшина.

Цинчжоу шумно вдохнул сквозь зубы. Забыв о перепуганных воришках, он мгновенно направил внутреннюю силу в ноги, взмыл в воздух и, едва касаясь водной глади кончиками сапог, в несколько стремительных прыжков перелетел на палубу джонки.